PG 3337
.P5V939
1863

Pisemskii

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 1997
Book .Z8

YUDIN COLLECTION

Zaitsev, Varfolomei Aleksandrovich.

Vzbalomuchennyi romanist

ВЗБАЛОМУЧЕННЫЙ РОМАНИСТЪ.

«Не для образованія ума и сердца шестнадцатилѣтнихъ читательницъ и не для услады задорнаго самолюбія разныхъ слабоголовыхъ юношей» написалъ г. Писемскій свой новый романъ: «Взбаломученное море». По его словамъ онъ имѣлъ въ виду «высшую цѣль»; «пусть», говоритъ онъ, «пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе; мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то тщательно собрана вся ея ложь.» Вотъ какой трудъ принялъ на себя г. Писемскій, и задачу эту онъ старается разрѣшить въ шести частяхъ своей взбаломученной поэмы. Онъ самъ смотритъ на свое новое произведеніе не какъ на романъ, а какъ на лѣтопись, анналы, служащіе матеріаломъ для будущаго историка. Съ этой точки зрѣнія онъ заставляетъ насъ смотрѣть на его трудъ и даетъ право искать въ немъ не только такъ называемой художественной правды, но и правды исторической. Конечно, всякое хорошее художественное произведеніе,—а хорошимъ я признаю то, которое не занимается любовью соловья къ розѣ, а обращается къ предметамъ житейскимъ, — всякое хорошее художественное произведеніе можетъ служить матеріаломъ для историка. Но онъ можетъ пользоваться имъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ тому, какъ онъ пользуется лѣтописями. Художникъ, въ произведеніяхъ котораго вѣрно отразился духъ времени хотя и дастъ этимъ историку средства для изученія своей эпохи, но совершенно помимо своей воли. Если современники художника и

PG3337
.P5V939
1863

самъ онъ живутъ подъ какимъ нибудь внѣшнимъ насиліемъ, то страданіе, негодованіе, стремленіе къ перемѣнѣ отражаются въ его произведеніяхъ; и историкъ можетъ по нимъ судить, насколько тяжело было это насиліе и какъ относилось къ нему то поколѣніе, которое переживало эту эпоху. При этомъ отъ художника нельзя и требовать, чтобы онъ далъ историку факты, представилъ съ исторической точностію событія. Если поэтъ и упоминаетъ о фактахъ, то историкъ хорошо сдѣлаетъ, если не будетъ принимать ихъ въ соображеніе, потому что поэтъ на то и поэтъ, чтобы замазывать дѣйствительность фантастическимъ колоритомъ или, говоря проще, привирать. Поэтому историку достаточно уловить общій характеръ художественнаго произведенія, въ которомъ хотя и отразилась дѣйствительность, но прямыхъ указаній на нее нѣтъ. На оборотъ, лѣтописецъ долженъ вѣрно представлять самыя событія и лица. Разумѣется, это трудъ не малый, и храбрости г. Писемскаго дѣлаетъ большую честь то, что онъ за него взялся.

Извѣстно также и вѣдомо каждому, что безпристрастіе есть именно то свойство, котораго не достаетъ всѣмъ лѣтописямъ, особенно когда рѣчь идетъ объ эпохѣ, современной лѣтописцу; хотя г. Писемскій съ гордостію вызываетъ желающихъ уличить его въ невѣрности изображенія, но я замѣчу ему, что такой вызовъ показываетъ въ немъ излишнюю самонадѣянность, которая до добра не доводитъ. При такой самоувѣренности меня поражаетъ скромность, обнаруживаемая г. Писемскимъ нѣсколькими строками ниже: онъ говоритъ, что въ «романѣ своемъ представилъ не всю Россію, а только всю мысль ея.» Но почитатели г. Писемскаго легко могутъ сообразить, что онъ только скромничаетъ, зная хорошо, что изобразилъ всю Россію, потому что если онъ представилъ всю ложь русскаго общества, то этимъ самымъ показалъ и всю его истину. Если я говорю, что то-то и то-то ложно въ жизни какого нибудь общества, то этимъ я въ тоже время говорю, что все противоположное лжи—истинно. Въ «Взбаломученномъ морѣ» такъ оно и выходитъ: здѣсь авторъ показываетъ намъ какъ то, что по его мнѣнію ложь, та и то, что онъ считаетъ правдой.

Что же ложно, по мнѣнію г. Писемскаго, въ нашемъ обществѣ? Какъ и въ чемъ является у насъ ложь? На что обращаетъ г. Писемскій вниманіе будущаго историка и что представляетъ онъ ему какъ зло, т. е. неправду? На это должны отвѣтить намъ характеры

и свойства лицъ, выведенныхъ въ романѣ въ качествѣ представителей разныхъ оттѣнковъ русскаго общества. Болѣе же прямой и краткій отвѣтъ намъ даетъ сама истина, облеченная г. Писемскимъ въ образъ мироваго посредника Варегина, который на вопросъ: «гдѣ корень зла?»—изрекаетъ слѣдующее:

— Да я думаю всего ближе въ нравственномъ гнетѣ, который мы пережили и въ нашемъ шаткомъ образованіи, которое въ однихъ только декораціяхъ состоитъ;—такъ что-то такое плаваетъ сверху на показъ! И для меня рѣшительно нѣтъ никакой разницы между Ванюшей въ «Бригадирѣ», который, желая корчить изъ себя француза, безпрестанно говоритъ: hélas! c'ést affreux и нынѣшнимъ какимъ нибудь господиномъ, болтающемъ о революціи...

И такъ между Ванюшей, современнымъ «Бригадиру и нынѣшними Ванюшами нѣтъ никакой разницы, по мнѣнію г. Писемскаго; и слѣдовательно тогдашняя и теперешняя ложь—одинаковы. Поэтому, не нарушая хронологіи, и романъ г. Писемскаго можно отнести также къ концу прошлаго вѣка, какъ къ половинѣ настоящаго: ложь его—одинакова. Посмотримъ же, какъ она, выразилась въ дѣйствующихъ лицахъ, выведенныхъ на сцену г. Писемскимъ, особенно его героя.

Надо отдать справедливость г. Писемскому, Баклановъ его несравненно лучшій представитель большей части нашего общества, чѣмъ всѣ герои, являвшіеся въ романахъ послѣдняго десятилѣтія. Обломовъ, Рудинъ, Лаврецкій вѣрно представляютъ разные сорты людей, жившихъ въ нашемъ обществѣ, но Баклановъ есть представитель всего общества. Недостатки и вообще свойства Рудиныхъ и Обломовыхъ хотя конечно встрѣчались въ обществѣ весьма часто, и лица эти типичны, но именно дѣло въ томъ и состоитъ, что они представляютъ собой ту или другую характеристическую черту общества, ту или другую сторону его, между тѣмъ какъ въ Баклановѣ видно все общество, со всѣми его качествами и свойствами. Онъ самый вѣрный выразитель той эпохи «нравственнаго гнета», которая, по свидѣтельству г. Писемскаго, къ счастію кончилась. Ей онъ принадлежалъ по времени и по характеру. Родился онъ чуть ли не въ тотъ самый годъ, какъ она началась, а когда она, какъ увѣряетъ г. Писемскій, кончилась, то ему уже было тридцать лѣтъ, то есть тотъ самый возрастъ, когда обыкновенно человѣкъ перестаетъ

развиваться. Хотя г. Писемскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ романа называетъ своего героя человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, но все это ложь, и соглашаться съ этимъ, разумѣется не надо. Впрочемъ я нахожу, что это тѣмъ лучше для г. Писемскаго; будь его герой дѣйствительно умный и образованный человѣкъ, онъ бы не былъ такимъ типичнымъ представителемъ современнаго ему общества. Что касается до его глупости и неразвитости, то это доказывается словами самого же Бакланова. Такъ въ первой части романа онъ объясняетъ теорію электричества слѣдующимъ образомъ:

«...При химическомъ соединеніи обнаруживается электричество... если теперь искру пропустить сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается пламя».

Во второй части о балетѣ онъ выражается такъ:

— ...«Тутъ правда, истина, которыя однѣ только имѣютъ законное право существовать».

Далѣе, пріѣхавъ въ деревню и отправившись къ сосѣдямъ, онъ услаждаетъ себя помыслами о томъ, что «я, дескать, сквайръ, пропріетеръ. Все это, что ни идетъ, ни встрѣчается, все это ниже меня. Я могу жить ничего не дѣлая»... Въ четвертой части, когда наступила эпоха возрожденія (Renaissance) онъ изъявляетъ намѣреніе пуститься въ биржевую игру, потому что «вся образованная Европа играетъ на биржѣ». На это г. Писемскій говоритъ читателямъ, которые бы пожелали упрекнуть за это его героя, что и они неблагоразумнѣе,—тоже накупили акцій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ числѣ читателей «Взбаломученнаго моря» найдутся господа въ родѣ Бакланова, потому что оттого-то онъ такъ и хорошъ, что такихъ много. Но спасаетъ ли это обстоятельство вашего героя, г. Писемскій, отъ упрека въ глупости? Не видите ли вы, что онъ глупъ? Можетъ ли кто другой кромѣ глупца сказать эти слова: *«потому что вся Европа играетъ на биржѣ»*.

Далѣе, если всего этого мало, онъ хвастается тѣмъ, что въ свое время люди, подобные ему, въ двадцать лѣтъ «уже были влюблены какъ коты... любовницъ имѣли... стихи къ нимъ сочиняли». Наконецъ, какъ мы увидимъ, въ спорахъ онъ жалкимъ образомъ побивается и своей любовницей и своей женой, которыя, грѣхъ сказать, чтобы порохъ могли выдумать или звѣзды съ неба похватать.

Впрочемъ въ свое время такой человѣкъ, можетъ быть, казался

умнымъ: пословица говоритъ, что на безрыбьи и ракъ—рыба. Во времена «нравственнаго гнета» находились идіоты, какъ Венявинъ, которые и передъ Баклановыми благоговѣли, и весьма естественно, что г. Писемскій привыкъ считать такихъ людей за умныхъ и образованныхъ. Вѣдь Никита Безрыловъ не далеко ушелъ отъ Бакланова... Но г, Писемскій, ошибаясь въ оцѣнкѣ умственныхъ способностей своего героя, не ошибся, какъ художникъ. Его талантъ помимо его воли представилъ Бакланова глупцомъ, хотя этотъ глупецъ и названъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ.

Какъ велико нравственное невѣжество Бакланова, такъ велика и его внутренняя пустота. Эти двѣ черты его характера г. Писемскій не только не отрицаетъ, но тщательно выставляетъ на показъ. Эту пустоту жизнь не могла наполнить, потому что не дала ничего. Тогда бѣда была человѣку, родившемуся съ плохимъ мозгомъ: не имѣя ничего своего, ему не откуда было взять ничего чужаго. Жизнь, развивавшая въ немногихъ энергическихъ и смѣлыхъ людяхъ эти качества, у людей мелочныхъ и безхарактерныхъ, каково было большинство и каковъ его представитель—Баклановъ, доводила эти свойства до послѣдней степени ничтожества. Авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ жизнь своего героя во времена «нравственнаго гнета». Мы видимъ героя сперва студентомъ. Здѣсь онъ кутитъ, влюбляется, тунеядствуетъ. Онъ таковъ какъ большинство современной ему молодежи. Они скромны и благонамѣрнины, потому что и намѣреній-то никакихъ не имѣютъ. Они толкуютъ о любви къ прекрасному вообще, а къ балету въ особенности; мечты ихъ, самыя смѣлыя и пылкія, были обращены на достиженіе крупнаго чина. Добродушный Венявинъ говоритъ герою, который для него идеалъ совершенства, что его ждутъ родина и министерскій портфель. Высшимъ вольнодумствомъ считалось произвести какой нибудь скандалъ, бросить танцовщицѣ мертвую кошку, побить квартальнаго, напиться до омерзѣнія. Человѣкъ, сдѣлавшій такую штуку, становился гароемъ дня: о немъ разговаривали и толковали: «а знаете ли такой-то бросилъ въ театрѣ Андреяновой мертвую кошку! Каковъ молодецъ?» Животрепещущіе вопросы состояли въ томъ, что такого-то актера или такую-то актрису хотятъ замѣнить другими. Важнѣе этого и придумать ничего не могли. Вообще царствовала умилительная патріархальность: какова была молодежь, таковы и руководители ея. Таковъ напримѣръ былъ покойный инспекторъ московскаго университета Платонъ

Степановичъ, который какъ есть въ своемъ флотскомъ мундирѣ завербованъ г. Писемскимъ въ число дѣйствующихъ лицъ романа. Г Писемскій желаетъ мира его праху, на томъ основаніи, «что онъ былъ добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ юношества». Онъ диже, по словамъ г. Писемскаго, не прочь былъ имѣть свои убѣжденія, но его смущали дома, обитаемые генералъ-губернаторомъ и жандармскимъ офицеромъ. Но г. Писемскій упускаетъ изъ виду, что при томъ юношествѣ, которое цвѣло въ его время, никакой надобности въ губителяхъ не предстояло. Наставникъ или надзиратель, подобный Платону Степановичу, былъ совершенно удовлетворителенъ, если даже не дѣлалъ особенныхъ гадостей. Съ него достаточно было, если онъ ругался, какъ извощикъ, и сажалъ въ карцеръ, потому что странно было бы приставить къ семилѣтнимъ дѣтямъ какого нибудь Фуше, если для нихъ совершенно достаточенъ надзоръ г. Миллера-Красовскаго. Таланты Фуше лучше употребить въ другомъ мѣстѣ, а Миллеру-Красовскому предоставить дѣтей.

Проведя такимъ образомъ свою юность, Баклановъ рѣшается поступить на службу. Конечно такая среда и такая жизнь при такихъ умственныхъ способностяхъ не могли развить ни правильнаго пониманія своихъ отношеній къ обществу, ни сознанія своего достоинства. Слово *гражданинъ* считалось почти иностраннымъ, и не напоминало ничего кромѣ римской исторіи, такъ какъ исторія французской революціи, гдѣ могло встрѣтиться это слово, преподавалась слишкомъ вкратцѣ. Поэтому высшее понятіе о гражданскихъ обязанностяхъ, которое могло возникнуть тогда въ головѣ Бакланова, состояло въ томъ, что должно хорошо служить, то есть не брать взятокъ и возставать противъ явныхъ безобразій, или, какъ выражались Баклановы, служить не лицамъ, а обществу. Но даже чтобы исполнить эти обязанности, нужно было имѣть энергію и твердость характера, которыхъ въ наличности не оказывалось. Я замѣчу впрочемъ въ скобкахъ, что никакое намѣреніе исполнять обязанности гражданина не выполнимо, потому что вопервыхъ оно построено на самой отвлеченной и непрактичной идеѣ, а вовторыхъ никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ, слѣдовательно всякіе толки о нихъ суть «праздной мысли раздраженіе». Но Баклановы вообще большіе мечтатели и до крайности любятъ выдумывать для себя разные долги и обязанности, которыхъ, разумѣется, никогда и не выполняютъ. Все это происходитъ отъ праздности и оттого, что

мозгъ не занятъ практическими мыслями, которыхъ не откуда было взять Баклановымъ въ эпоху «нравственнаго гнета». Отъ той же причины происходитъ и то, что не исполняя изобрѣтенныхъ ими обязанностей, они любятъ ругать себя за это, и дѣйствительно такъ ругаютъ, какъ самый злѣйшій врагъ не могъ бы ихъ обругать.

Герой романа г. Писемскаго тоже изобрѣлъ себѣ разныя обязанности гражданина и твердо рѣшился не брать взятокъ и не допускать злоупотребленій. Разумѣется, онъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы выполнить второе. Онъ былъ даже такъ ничтоженъ, что не могъ выдержать и въ первомъ случаѣ; правда большое состояніе позволяло ему не брать взятокъ чистоганомъ, но за то обѣдами онъ бралъ. И это онъ дѣлалъ не безсознательно, а вполнѣ понимая, что поступаетъ гадко, даже припомнилъ *Ябеду* Капниста и по обычаю своей братьи скверными словами обозвалъ себя. Что же касается до сознанія своего достоинства, то его не было, такъ какъ и сознавать-то нечего было. На крикъ генерала: «молчать!»—онъ отвѣчаетъ: «ваше превосходительство, молчите вы сами.» Генералъ ругаетъ его мальчишкой и швыряетъ въ лицо скомканный клокъ бумаги, а онъ шепчетъ ему: «подлецъ!» Потомъ изруганный въ конецъ, онъ разнюнился, когда генералъ пожелалъ примириться съ нимъ, потому что Баклановъ могъ поразказать кое-что очень гадкое. Тутъ даже онъ не только выказалъ неспособность защитить отъ сильнаго міра свою личность, но показалъ себя малодушнымъ трусомъ передъ человѣкомъ, который былъ у него въ рукахъ, оттого только, что этотъ человѣкъ былъ генералъ. Это ужъ не только отсутствіе сознанія своего достоинства, которое благодаря отеческимъ «добродушнымъ распеканіямъ» Платона Степановича, было уничтожено въ самой нѣжной юности и взамѣнъ того пріобрѣлась привычка выслушивать отъ начальниковъ ругательства,—здѣсь есть еще раболѣпіе передъ внѣшними признаками власти, передъ генеральскимъ чиномъ и звѣздами.

Я уже не хочу и распространяться насчетъ отношеній Бакланова къ женщинамъ. Кто не читалъ романа г. Писемскаго, тотъ можетъ судить изъ того, что я сказалъ о личности Бакланова, каковы должны быть эти отношенія. Въ нихъ онъ является совершенно дикимъ человѣкомъ, не смотря на внѣшніе признаки цивилизаціи, и во всемъ равенъ Іонѣ Цинику, у котораго этихъ признаковъ не имѣется. Въ

отношеніи женщинъ онъ доходитъ до всѣхъ степеней безобразія, до которыхъ можетъ дойти грязная натура, воспитанная въ крѣпостномъ правѣ, чувственность которой ничто не сдерживаетъ, и которая имѣетъ всѣ средства, чтобы удовлетворять своимъ скотскимъ побужденіямъ. Быть можетъ, г. Писемскаго укоряютъ за то, что онъ черезъ чуръ ясно и подробно изобразилъ любовныя похожденія своего героя. Дѣйствительно, на свѣтѣ есть вещи, о которыхъ лучше молчать, и чтеніе нѣкоторыхъ главъ романа производитъ тошноту. Быть можетъ также, что личность Бакланова не потеряла бы ничего, еслибъ не проникать за кулисы его любовныхъ исторій; но не знаю, какъ бы было тогда, а знаю, что теперь грязное описаніе скандаловъ, которое сдѣлаетъ романъ вѣроятно весьма популярнымъ между старичками и старыми дѣвами, вполнѣ выкупается той рельефностію, которую оно придаетъ характеру Бакланова.

Теперь посмотримъ, что случилось съ такой личностью или, лучше сказать, съ обществомъ, состоящимъ изъ такихъ личностей — потому что, повторяю еще разъ, Баклановъ есть неотдѣльное лицо, а типъ, въ которомъ совмѣщаются всѣ Обломовы, Лаврецкіе, Рудины и проч. Что случилось съ такимъ обществомъ, когда, по независящимъ отъ него обстоятельстзамъ, наступила эпоха возрожденія?

Конечно возгласы публицистовъ этой эпохи о ея значеніи были смѣшны своимъ сентиментализмомъ. Но нельзя также не сказать, что обществу представились на размышленіе вопросы, о которыхъ оно доселѣ и не помышляло. Дѣло въ томъ только, что вопросы эти возникли не въ самомъ обществѣ, а совершенно внѣ его, и совершенно некстати будили эти 60 милліоновъ Баклановыхъ отъ ихъ сна. Заспаннымъ и растрепаннымъ, имъ вдругъ стали задавать самыя хитрыя задачи, между тѣмъ какъ до сихъ поръ напрягали всѣ усилія, чтобъ сдѣлать ихъ неспособными о чемъ бы то ни было разсуждать. Изъ тѣхъ самыхъ квартиръ, которыя мѣшали доброму Платону Степановичу имѣть свои убѣжденія, вышло предписаніе пріобрѣсти оныя. Но ихъ не купишь и не займешь, если прежде не было и не было даже возможности имѣть. Мы знаемъ, какую пассивность обнаружили всѣ слои нашего общества при встрѣчѣ съ этими вопросами. Мы знаемъ, какую полнѣйшую неспособность издать какой бы то ни было человѣческій звукъ обнаружило дворянство въ крестьянскомъ дѣлѣ. Баклановъ, призванный для совѣщанія

объ этомъ къ предводителю, велъ себя такъ, какъ вели всѣ прочіе Баклановы на всемъ пространствѣ Россіи, то есть, не могъ сказать ни да, ни нѣтъ, хотя имѣлъ жалкое поползновеніе сказать—нѣтъ. Но хотя герой г. Писемскаго — дворянинъ и помѣщикъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ служить представителемъ и другихъ сословій, потому что они всѣ показали ту же пассивность. Какъ въ крестьянскомъ вопросѣ, такъ и въ остальныхъ поведеніе русскаго общества было таково, каково поведеніе Бакланова, т. е. неспособность ко всему серьозному и полное равнодушіе. Россія, современная Бакланову, была разбита параличемъ. Все, что Баклановы принимались дѣлать, было запечатлѣно тѣмъ же характеромъ безсилія и апатіи; они не могли серьозно взяться ни за что, и потому самому брались за все. Человѣкъ, бывшій нынче рьянымъ крѣпостникомъ и консерваторомъ, въ которомъ непривычный взглядъ могъ заподозрить опаснаго и готоваго на все врага предпринимаемыхъ реформъ и поднимаемыхъ вопросовъ, завтра становился радикаломъ и краснымъ, а послѣ завтра ругалъ и крѣпостниковъ и красныхъ. Еслибъ г. Писемскій показалъ намъ своего Бакланова нѣсколькими годами раньше, мы могли бы пожалуй не повѣрить ему, обманувшись напускной бодростью и взятой на прокатъ игривостью, которую обнаруживали тогда Баклановы. Но теперь это невозможно. Теперь мы убѣдились, что Баклановы сами неспособны ни на что, а по приказу также способны молчать и нешевелиться, какъ пылать и пламенѣть, оттого что имъ въ сущности все равно—молчать или пламенѣть. Они хуже всего боятся, чтобы къ нимъ не приставали съ вопросами. Поэтому они, завидя еще издали чиновника или полицейскаго, спѣшатъ стушеваться. Говорить же и дѣлать то или другое, для нихъ все единственно. Мы видѣли, какъ они рукоплескали тѣмъ же, кого не много спустя, готовы были стащить на съѣзжую. Эта пассивность довела Баклановыхъ до такого нравственнаго растлѣнія, что они остаются индифференты ко всякой гадости, которая валяется у нихъ передъ глазами. Оттого-то теперь мы видимъ наконецъ, что въ самомъ обществѣ, послѣ всѣхъ фразъ эпохи возрожденія, совершаются дѣла, неслыханныя даже въ эпоху «нравственнаго гнета», благополучно миновавшую, какъ утверждаетъ г. Писемскій. Тогда зло если и прибѣгало къ неблаговиднымъ средствамъ и орудіямъ, то по крайней мѣрѣ само стыдилось ихъ Орудія эти, какъ ни были низки, но понимали, что бывали поступки, послѣ которыхъ

совершившіе ихъ дѣлались отщепенцами отъ общества, и скрывались куда-то, бѣжали дневного свѣта, стыдились встрѣчи съ честнымъ человѣкомъ. Теперь есть Баклановы, которые не только бодро расхаживаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но дѣлаются героями дня, львами общества, протягиваютъ руки къ лаврамъ. Въ нихъ потеряна не только честность—зло не только побѣдило, но потерянъ стыдъ—побѣда празднуется торжественно.

Но дѣйствительно ли хотѣлъ г. Писемскій нарисовать намъ картину общества Баклановыхъ или, какъ онъ выражается, изобразить всю ложь Россіи?

Нѣтъ, умыселъ другой тутъ былъ. Чтобы понять, что имѣлъ въ виду г. Писемскій въ своемъ романѣ, намъ необходимо взглянуть на другую личность, выставленную на видное мѣсто въ «Взбаломученномъ морѣ», на Варегина.

Варегинъ — современникъ Бакланова, но человѣкъ совершенно другихъ свойствъ. Въ романѣ онъ изображаетъ собою *мудрость* и въ важныхъ случаяхъ является изрекать разныя нравоучительныя истины. Сообразно съ этой ролью ему приданы почтенныя свойства: онъ уменъ, ученъ, благороденъ и вообще представляетъ собою лицо, въ которомъ нѣтъ лжи, а все отъ головы до пятокъ истина.

Его мы разсмотримъ подробнѣе ниже, а теперь замѣтимъ, что эта олицетворенная истина представлена единственно за тѣмъ, чтобы обличить нигилистовъ, что въ особѣ Варегина соединяются и Никита Безрыловъ и самъ г. Писемскій. Присматриваясь еще ближе, мы находимъ, что и «Взбаломученное море» написано затѣмъ, чтобы нанести окончательное пораженіе тѣмъ мальчишкамъ, которыхъ журитъ Варегинъ, и въ этомъ отношеніи оно оказывается переложеніемъ въ шести частяхъ пожарныхъ статей г. Мельникова. Только г. Писемскій пошелъ гораздо дальше; онъ не ограничился однимъ поползновеніемъ вышеупомянутаго публициста и К°. У тѣхъ, извѣстное дѣло, желанія скромны и цѣль только та, чтобы кому слѣдуетъ указать на кого слѣдуетъ. Конечно такая цѣль весьма практична и, по словамъ г. Писемскаго, такой образъ дѣйствій можетъ вполнѣ быть названъ служеніемъ обществу. Вотъ какъ изъясняетъ это г. Писемскій. Онъ представляетъ намъ разговоръ между поли-

цейскимъ и обличителемъ продѣлокъ откупа. Разговоръ этотъ такого рода:

—Ну, поѣдемте и вы! сказалъ полицмейстеръ Виктору:—въ часть васъ свезу. Велите себѣ принести матрасъ что ли; у насъ ничего тамъ нѣтъ.

— Какъ въ часть? это...это.. говорилъ Викторъ: — это ужъ подло! возразилъ онъ наконецъ.

— А пасквили писать благородно? спросилъ его полицмейстеръ.

— Это я писалъ для пользы общества, объяснилъ Басардинъ.

А я васъ для пользы общества сажаю въ часть. Вы такъ понимаете, а я иначе!

— Это чортъ знаетъ что такое! говорилъ Басардинъ, сѣдясь съ полицмейстеромъ на пролетки.

— Не чортъ знаетъ, а только то, что это общественная польза—вещь очень условная! объяснялъ ему полицмейстеръ.

Итакъ вотъ каково должно быть служеніе обществу, по мнѣнію г. Писемскаго. Но ему такая дѣятельность показалась черезъ-чуръ скромной. Видно, онъ дѣйствительно сильно ненавидитъ молодежь, потому что подобно, г. Страхову, «желаетъ простирать свое осужденіе гораздо дальше, чѣмъ обыкновенно дѣлается и хочетъ коснуться величайшихъ вражескихъ святынь». Съ этой цѣлью онъ представляетъ намъ цѣлый рядъ нигилистовъ, надъ которыми желаетъ потѣшиться. Начинаетъ онъ ab ovo. Замѣчая, что большинство нигилистовъ вышли изъ семинарій, онъ, что бы вы думали, изобрѣлъ? Читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь. Въ началѣ четвертой части онъ перечисляетъ различныя бѣдствія, удручавшія Россію передъ наступленіемъ эпохи ренессансъ. Въ числѣ этихъ бѣдствій онъ находитъ одно, о которомъ доселѣ никто не помышлялъ.

«*По семинаріямъ*, говоритъ онъ, *чтобъ не отстать отъ вѣка, стали учить только-что не танцовать*».

Несчастный г. Писемскій, что это вы такое сказали?! Поймите и отрекитесь! Зачѣмъ вы, злополучный авторъ «Взбаломученнаго моря», не прочитали разсказовъ Помяловскаго; для чего, прежде чѣмъ писать романъ, вы не познакомились съ какимъ нибудь нигилистомъ изъ семинаристовъ и не разузнали отъ него, что дѣлается въ семинаріяхъ?! Вы могли бы даже покривить душой, сказать, что хо-

тите хвалить молодежь, но во всякомъ случаѣ вамъ слѣдовало навести справки. Зачѣмъ, стократъ вопрошаю васъ, зачѣмъ не разузнали вы хорошенько касательно семинарскаго образованія? А то вѣдь выходитъ по вашему, что семинарское начальство эпохи «нравственнаго гнета» виновато въ излишнемъ усердіи не отстать отъ вѣка? Положимъ, что вы справедливо упрекаете Бакланова и другихъ за «служеніе моднымъ идейкамъ». Но помыслите ради бога, можно ли въ ненависти къ моднымъ идейкамъ заходить до того, чтобы обвинять даже семинарское начальство въ служеніи имъ? Чему же это такому непристойному учили въ семинаріяхъ? Богословіе, философія по учебникамъ XVII вѣка, латинская грамматика, упраженія въ слогѣ: ужъ не это ли модныя идейки, которыя творятъ нигилистовъ? Скорблю о васъ, г. Писемскій, хотя понимаю, что именно сбило васъ съ толку. Вы себѣ никакъ не можете представить, почему нигилисты большею частью воспитанники семинарій. Въ головѣ вашей происходитъ построеніе такого рода: нигилисты выходятъ изъ семинарій, слѣдоватетьно семинаріи—разсадники нигилизма, слѣдовательно семинарское начальство служитъ моднымъ идейкамъ и стремится не отстать отъ вѣка. Вотъ куда вы хватили съ вашей бѣдной логикой! Но вы вѣроятно сами плохо вѣрите себѣ; вы знаете, что такое семинарское начальство, и сомнѣваетесь въ вѣрности своего вывода. По крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ вы находите другое объясненіе явленія, поразившаго васъ. Вашъ Варегинъ объясняетъ дѣло такимъ образомъ:

— Онъ (Проскриптскій) человѣкъ недурной, продолжалъ Варегинъ, нахмуривая свой большой лобъ:—но разумѣется, *какъ и вся ихъ порода, на логическіе выводы мастеръ, а ужъ правды въ основаніи не спрашивай .. Мистификаторы по самой натурѣ своей: съ пятнадцатаго столѣтія этимъ занимаются!..*

— Вы думаете? спросилъ Баклановъ, играя брелоками часовъ.

— Рѣшительно! *У нихъ въ крови сидитъ эта способность надувать самихъ себя и другихъ разнымъ вздоромъ.*

Скорблю еще болѣе о васъ, г. Писемскій, что вы не изъ этой же породы; тогда быть можетъ и вы бы были способны на логическіе выводы, а то теперь вѣдь ужъ изъ рукъ вонъ—плохо.

Ну сами посудите, сперва вы говорили, что бѣда отъ того, что въ семинаріяхъ чуть не танцовать учили (и почему, Богъ васъ вѣдаетъ, считаете вы танцовальные уроки за nec plus ultra человѣческаго развращенія?), а теперь вдругъ, такъ сказать, въ глубь вѣковъ заходитъ, въ пятнадцатое столѣтіе отправляется отыскивать корней нигилизма. Скажите ради всего на свѣтѣ, при чемъ тутъ остаются модныя идейки и желаніе не отстать отъ вѣка, и даже самые танцовальные уроки, если ужъ завелась издревле такая зловредная порода людей? Очевидно что если всѣ модныя идейки строго настрого запретить, обуздать, желаніе не отстать отъ вѣка и еслибъ даже повѣсить всѣхъ танцмейстеровъ, то зло бы не уменьшилось, потому что оно въ крови у цѣлой породы млекопитающихъ.

Указавъ корень зла, (указаніе впрочемъ безполезное, потому что какъ же можно искоренять зло, если оно еще въ пятнадцатомъ столѣтіи засѣло?), г. Писемскій начинаетъ цѣлый рядъ грозныхъ или насмѣшливыхъ филиппикъ противъ молодого поколѣнія. Посмотримъ на эти упражненія его.

Вотъ напримѣръ надъ Проскриптскимъ, который по мнѣнію г. Писемскаго, представитель нигилизма, упражняется не самъ г. Писемскій, а par procuration Варегинъ.

— Что это вы такъ хлопочете? проговорилъ онъ (Проскриптскій) своимъ обычнымъ дискантомъ.

Венявинъ по своему добродушію сейчасъ же сконфузился.

— Что дѣлать, нельзя! отвѣчалъ онъ.

— Хлопочетъ, какъ и всѣ порядочные люди! обратился наконецъ Баклановъ къ Проскриптскому, гордо поднимая голову.

— Вы бы ужъ лучше шли въ гусары, обратился тотъ опять къ Венявину.

— А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство одушевляетъ? перебилъ его Баклановъ.

— У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность, возразилъ Проскриптскій.

— Искуствомъ актера значитъ наслаждаться нельзя? сказалъ Баклановъ.

— Хи, хи, хи, засмѣялся Проскриптскій. — Что же такое искуство актера? искусство сдѣлать то, что другіе дѣлаютъ,—искуство не быть самимъ собою, хи, хи, хи ..

— Въ балетѣ даже и этого нѣтъ! возразилъ Баклановъ.

— Балетъ я еще люблю; въ немъ покрайней мѣрѣ еще насчетъ клубнички кое-что есть, продолжалъ насмѣхаться Проскриптскій.

— Въ балетѣ есть грація, которая живетъ въ рафаэлевскихъ Мадоннахъ, въ Венерѣ Милосской, говорилъ Баклановъ и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.

— Хи, хи, хи, продолжалъ Проскриптскій. — въ реторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, милое и наивное.

— Ну, пошелъ! проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія. — А, Варегинъ! прибавилъ онъ, дружелюбно обращаясь къ вошедшему, лѣтъ двадцати пяти студенту съ солиднымъ лицомъ, съ солидной походкой и вообще всею своею фигурою внушающему какое-то почтеніе къ себѣ.

. . . . . .

— Здраствуйте! здраствуйте! говорилъ между тѣмъ Варегинъ, подавая всѣмъ руку. — Здраствуйте ужъ и вы! прибавилъ онъ, обращаясь къ Проскриптскому.

— Здраствуйте-съ! отвѣчалъ тотъ и опять постарался засмѣяться.

— Въ грацію ужъ не вѣритъ! сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптскаго.

— Во вздоръ вѣритъ, а въ то что передъ глазами нѣтъ! отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ.

— Что такое — вѣрить? Я не знаю, что такое вѣрить; или въ самомъ дѣлѣ вѣра есть уповаемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличеніе! хи, хи, хи...

— Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину! подхватилъ Баклановъ.

— А что такое мысль, истина? Что сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали же люди землю плоскостью.

— Стало быть и Коперникъ вретъ? спросилъ Варегинъ.

— Вѣроятно.

— Но какъ же пророчествуютъ по астрономическимъ вычисленіямъ?

— Случайность.

— Случайность, вы полагаете? произнесъ протяжно Варегинъ.

— Вотъ вѣдь что досадно! зачѣмъ же вы вѣрите въ соціализмъ-то, въ кисельные берега-то и медовыя рѣки? говорилъ онъ (Баклановъ) Проскриптскому.

— Э, вѣритъ! разговоры только это, упражненіе въ діалектикѣ! подхватилъ Варегинъ.

— Чтожъ такое діалектика? Человѣчество до сихъ поръ только и занималось, что діалектикой, подтвердилъ Проскриптскій.

— А желѣзныя дороги тоже діалектика? спросилъ Варегинъ.

— Полезная слесарямъ и инженерамъ! Хи, хи, хи! смѣялся Проскриптскій.

— Но вѣдь, чортъ возьми, они связываютъ людей, соединяютъ ихъ, воскликнулъ Баклановъ.

— А зачѣмъ человѣчеству нужно это? Дикіе, живущіе въ степяхъ американскихъ, конечно, счастливѣе меня! возразилъ какъ бы съ наивностію Проскриптскій.

А вотъ ужъ тутъ даже Бакланова г. Писемскій уполномочиваетъ сразить представителя нигилизма.

То-то! воскликнулъ онъ (Баклановъ):—на общину надѣетесь! О, молодость неопытная и невинная.

— Община вздоръ-съ! произнесъ и помѣщикъ.

— Какъ вздоръ? сказалъ въ свою очередь Сабакѣевъ, немало тоже удивленный.

— А такъ,... Евпраксія Алексѣевна! продолжалъ Баклановъ, обращаясь къ женѣ:—намъ вашъ братъ, можетъ быть, не повѣритъ: скажите ему, что нашъ мужикъ ничего такъ не боится — ни медвѣдя, ни чорта, какъ мира и общины.

— Да, они всѣ желаютъ имѣть, хоть маленькую, но свою собственность, подтвердила та.

— Очень дурно, отвѣчалъ Сабакѣевъ:—если нашъ народъ разлюбилъ и забылъ эту форму.

— Да вѣдь эта-съ форма дикихъ племенъ, поймите вы это! кричалъ Баклановъ:—но какъ землю начали обрабатывать, какъ положенъ въ нее сталъ трудъ, такъ она должна сдѣлаться собственностью.

—Мы имѣемъ прекрасную форму общины, артель, настаивалъ на своемъ Сабакѣевъ.

— Гм... артель, произнесъ съ улыбкою помѣщикъ:—да вы изволите-ли знать-съ, изъ кого у насъ артели состоятъ?

— Для меня это все равно! сказалъ Собакѣевъ?

— Нѣтъ-съ, не все равно-съ! Артель обыкновенно состоитъ изъ отставныхъ солдатъ, безсемейныхъ мужиковъ, на дѣло, на которое физической силы ничего не требуется: на перетаскиваніе тяжестей, бѣгать коммисіонеромъ, а хлѣбопашество требуетъ-съ ума. Я напримѣръ, полосу свою трудомъ и догадкой улучшилъ, а пришелъ передѣлъ, она отъ меня и отошла,—пріятно-ли это?

— Можетъ быть, и непріятно, но спасаетъ отъ другого зла, отъ пролетаріата

— Да вѣдь пролетаріатъ является въ государствахъ, гдѣ народонаселеніе переросло землю, а у насъ, слава богу, родись только люди и работай!

— Мы наконецъ имѣемъ и другія артели, плотниковъ, каменьщиковъ, присоединилъ, какъ бы вспомнивъ, Собакѣевъ.

— Что за чортъ! воскликнулъ, пожимая плечами, Баклановъ:—да это развѣ общинное что нибудь?... Они всѣ наняты отъ подрядчика.

— У котораго они кромѣ того всегда еще въ кабакѣ; хуже чѣмъ въ крѣпостномъ правѣ, присовокупилъ помѣщихъ.

— Общину нашъ народъ имѣлъ—имѣетъ и будетъ имѣть, сказалъ увѣреннымъ тономъ Собакѣевъ.

— Ваше дѣло, произнесъ помѣщикъ.

— Вѣдь вотъ что бѣситъ, говорилъ Баклановъ, выходя изъ себя (отъ болѣзни онъ сталъ очень нетерпѣливъ): — Россія рѣшительно перестраивается и управляется или вотъ этакими господа—мальчиками, или петербургскими чиновниками, которые пожалуй не знаютъ, на чемъ и хлебъ-то родится....

Помѣщикъ приэтомъ потупился, Сабакѣевъ покраснѣлъ.

Наконецъ г. Писемскій не выдержалъ и уже лично говоритъ о молодежи, которая, какъ видно, стала у него поперегъ горла.

— Въ наше время убѣдились, говоритъ ему одинъ господинъ, котораго онъ принимаетъ за нигилиста:—что глупость же хранить вѣрность, ревновать другъ друга.

"И это тоже прогрессетъ! восклицаетъ отъ себя г. Писемскій. Несчастная, несчастная моя родина!

"Не объ общественномъ разумѣется служеніи, продолжаетъ онъ:— говоримъ мы здѣсь. Благословенна будь та минута, когда въ обществѣ появилось стремленіе къ нему (г. Писемскій противорѣчитъ собственному изображенію общества)! Но гнѣвомъ и ужасомъ исполняется наше сердце, когда мы подумаемъ, въ чемъ положили ли это служеніе: въ проведеніи не то-что ужъ отвлеченныхъ мыслей, а скорѣй какихъ-то предвнушеній мыслей. И кто наконецъ эта соль земли, избранные, пришедшіе къ общественной трапезѣ!... Остроумные пустозвоны, считающіе въ ловкой захлесткѣ рѣчи всю суть дѣла!.. Торгаши, умѣющіе безконечно пускать въ ходъ небольшой запасецъ своей душевной горечи!... Всевозможныхъ родовъ возмужалые и юные свищи, всегда готовые чѣмъ вамъ угодно наполнить свою пустоту!

Вотъ онъ, скрежетъ-то зубовный! Вотъ она ненависть-то къ молодому поколѣнію. Но увы! г. Писемскій, ваша злоба напрасна и безпричинна. Вы на тѣнь свою злитесь, принимая ее за нигилиста. Неужели вы думаете, что вашъ Проскриптскій, вашъ Сабакѣевъ, вашъ Галкинъ — представители нашей молодежи? Жаль мнѣ васъ, г. Писемскій; васъ грубымъ и недостойнымъ образомъ обманули. Вамъ показали жалкихъ шутовъ вашего же, т. е. баклановскаго времени, а вы не узнали, что это ваше же отраженіе. Зеркало вы приняли за картину. Лакея, корчащаго изъ себя господина въ его отсутствіи, вы приняли за барина, и злитесь, горячитесь, выходите изъ себя. Подойдите поближе, взгляните хорошенько: это не звѣрь, а ваше же отраженіе. Самого звѣря вы не видали, да и не увидите. Разговоры, которыя я нарочно выписалъ, потому что вы воображаете, что въ нихъ высказываются убѣжденія молодежи, — разговоры эти—вѣдь это верхъ глупости и невѣжества. Посмотрите хоть на тургеневскаго Базарова: онъ вамъ, быть можетъ, очень не нравится, но сравните его съ тѣми шутами гороховыми, которые у васъ на сценѣ. Не отговаривайтесь, что вы хотѣли написать пасквиль на нигилистовъ и нарочно представили ихъ шутами. На это я вамъ отвѣчу, во-первыхъ, вашими же словами, т. е. словами вашего мудраго полицмейстера: «а благородно ли писать пасквили?» а во-вторыхъ, уличу васъ въ неправдѣ. Вашъ Сабакѣевъ, по вашему, умный человѣкъ и благородный. Но по мнѣнію всякаго другого, это базаровскій лакей, наслушавшійся толковъ своего барина и задающій форсу передъ равнымъ себѣ обществомъ. Вы вѣдь взяли на себя трудъ написать современную исторію, слѣдовательно не могли выставить всѣхъ молодыхъ людей нашего времени дураками: это было бы ужъ слишкомъ забавно—всю молодежъ обозвать безъ обиняковъ дураками. Вотъ вы, скрѣпя душу, и захотѣли выставить умнаго человѣка. Но увы! это вѣдь не то, что изобразить вашихъ Баклановыхъ. Баклановыхъ-то вы хорошо знаете; вы среди нихъ провели вашу жизнь и теперь живете; ваши собственныя убѣжденія никогда не были выше баклановскихъ; да и откуда было вамъ взять ихъ?.. Но вы совершенно не впопадъ разгнѣвались на тѣхъ людей, которыхъ совсѣмъ не знаете и въ общество которыхъ вы не были приняты. Потому все ваше паталогическое, желудочное отрицаніе потрачено даромъ и пафосъ вашего цинизма такъ и останется цинизмомъ; вы взялись за дѣло, которое не про васъ писано. Оттого-то

вашъ романъ вышелъ скрежетомъ зубовнымъ; оттого-то будущій историкъ увидитъ въ немъ только доказательство страшнаго растлѣнія мысли, благодаря которому литература занимается дозорами и бранью всего молодого поколѣнія. И пришлось вамъ, ради этой брани, прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, къ которымъ два года назадъ прибѣгали ваши единомышленники, публицисты «Сѣверной Пчелы» и «Библіотеки для Чтенія», редактируемой тогда вами; вамъ пришлось говорить и о грязныхъ воротничкахъ и о рукавчикахъ дѣвушекъ, посѣщающихъ лекціи и попадающихъ куда-то; пришлось прибѣгать и къ такимъ эпизодамъ:

„Кто это такіе поджигаютъ? спросилъ онъ (Балкановъ) у извощика.

— Да кто ихъ знаетъ, батюшка! Этта вотъ тоже я ѣхалъ.. такъ молодой баринокъ... какъ вотъ ихъ?... На Васильевскомъ острову еще ученье-то имъ идетъ...

— Да, знаю! подхватилъ Баклановъ.

— Такъ тоже отъ народу-то бѣжалъ, схватить было хотѣли.

Пришлось прибѣгать ко множеству другихъ полусловъ и намековъ, столько же неблаговидныхъ, сколько бездоказательныхъ. Вѣдь возвысились же вы до картины пожара, до описанія дневника Елены, возвысились же до того, что сказали о Нетопоренкахъ, что сперва они мошенничали, а «теперь занимаются неменѣе благороднымъ дѣломъ: они вольнодумничаютъ и читаютъ со слезами на глазахъ Шевченко». A bon enteudeur, salut! Но какъ художника, такія выходки вполнѣ оправдываютъ васъ, потому что показываютъ какъ не преувеличено у васъ изображеніе нашего общества въ Баклановѣ, если такія вещи могутъ являться въ литературѣ.

Теперь обратимся къ тому, что по мнѣнію г. Писемскаго хорошо и правдиво въ нашемъ обществѣ. Посмотримъ, что это за личность—вышеупомянутый, мудрый и либеральный, мировой посредникъ Варегинъ.

Варегинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ либераловъ, которые, не останавливаясь, какъ Баклановъ, на изобрѣтеніи разныхъ принциповъ, гнутъ и себя и другихъ подъ нихъ. Это наши филистеры, которые ненавидятъ все живое, незабитое отвлеченностями. Люди, подобные Варегину, тѣже Баклановы, только съ нѣсколько большей энергіей, позволяющей имъ вредить и ненавидѣть, между тѣмъ какъ

истые Баклановы способны вредить только своей наивностью. Варегины—это теперешніе дѣятели, и г. Писемскій благоразумно поступаетъ, порицая и стариковъ и молодежь, и куря фиміамы Варегинымъ. «Старики подбираются», какъ говоритъ у него въ романѣ самъ Варегинъ. Что касается до молодежи, то самъ г. Писемскій лучше меня знаетъ и разсказываетъ, что она теперь дѣлаетъ. Желающіе узнать судьбу ея, могутъ прочесть послѣднія страницы романа. Торжествуютъ же филистеры Варегины. До чего доводятъ ихъ пресловутые принципы — это видно изъ дѣяній того же Варегина. Онъ былъ профессоромъ и, какъ самъ говоритъ, студенты прогнали его съ каѳедры. Онъ разумѣется выругалъ молодежь подлецами и наглецами и утверждаетъ, что пострадалъ за то, что не хотѣлъ служить моднымъ идейкамъ. Все это г. Писемскій изобразилъ весьма вѣрно: мы знаемъ, что господа, подобные Варегину, ненавидя и преслѣдуя молодежь, за всякое встрѣчаемое противодѣйствіе, разражаются потокомъ страшныхъ ругательствъ. Только напрасно думаетъ г. Писемскій, что молодежь служитъ какимъ бы то ни было идеямъ и идейкамъ. Служатъ имъ Варегины, а молодежь старается освободиться отъ нихъ. Молодежь стала весьма практична и, видя зло, желаетъ устранить его, а не возвести въ принципъ и возить его на своей спинѣ. За это-то вы ее и ненавидите и прибѣгаете ко всѣмъ средствамъ, чтобы унизить ее. Но ваши усилія жалки. Молодежь права уже потому, что молода, и рано или поздно, а побѣда будетъ на ея сторонѣ, подобно тому, какъ вы побѣдили старичковъ. И посмотрите на вашихъ либераловъ, посмотрите на этого Варегина, который для васъ—идеалъ умнаго, благороднаго и энергическаго человѣка. Взгляните на него: онъ побѣдитель, онъ торжествуетъ, но Боже мой, какое это жалкое торжество! Пораженіе лучше такого торжества, потому что пораженіе еще не конецъ, оно только отсрочиваетъ полученіе желаемаго, не разбивая въ прахъ надежды. Но торжество Варегиныхъ—есть пораженіе ихъ. Посмотрите, въ какое противорѣчіе съ самими собой, съ своими собственными желаніями, съ самою жизнью, вступаютъ они. Они побѣдили, но тутъ-то и есть ихъ погибель. Ихъ принципы, подвязанные къ нимъ сзади, подавляютъ ихъ. Сравнительно съ ними, милы и привлекательны становятся старички; потому что, опять-таки говорю, тѣ дѣлали зло безсознательно, а эти дѣлаютъ его съ полнымъ сознаніемъ. Варегинъ, этотъ ученый и либеральный мужъ, является свирѣпымъ инквизиторомъ въ сравненіи даже съ

Софи. Когда у Софи въ деревнѣ крестьяне отказались служить ей и когда явился гуманный Варегинъ и послалъ за солдатами,—Софи, эта пустая, мелочная женщина, продававшая себя старому откупщику, упала на колѣни и сказала:

— Нѣтъ, мнѣ ненадо ничего; я лучше отъ всего отступлюсь.

— Да *Варегинъ не отступится*; *ему это надо для общаго порядка.*

Вотъ оно, это fiat justicia, pereat mundus! И вы, г. Писемскій, такъ хорошо узучившій Баклановыхъ и Варегиныхъ, вы можете утверждать, что молодежь служитъ моднымъ идеямъ? Опомнитесь, взгляните на вашего Варегина: чему онъ-то служитъ, за что онъ-то себя мучитъ? Во имя чего рветъ онъ себѣ волосы, чуть не плачетъ и бѣжитъ, чтобы не слышать воплей мужиковъ, которыхъ сѣкутъ, и въ то же время готовится не только сѣчь ихъ, а рѣзать? Во имя чего, спрашиваю васъ, дѣлаетъ онъ надъ собой эти изтязанія, какъ не во имя сзади пришитаго къ нему принципа? Въ немъ нѣтъ ничего живого, ничего человѣческаго или, лучше сказать, онъ вѣчно борется со всѣмъ человѣчнымъ, во имя сухихъ правилъ, мертвящихъ идей, филистерскихъ принциповъ. И вы, послѣ этого, зная такъ хорошо этихъ Варегиныхъ, объвиняете нашу молодежъ въ какихъ-то ужасныхъ, кровожадныхъ намѣреніяхъ!

Но бодливой коровѣ Богъ рогъ не далъ, говоритъ пословица, такъ вотъ и вамъ. Есть у васъ злобныя поползновенія, есть *обличительныя* стремленія, но комки грязи, которыми вы швыряете въ молодое поколѣніе, попадаютъ въ ваше собственное отраженіе. Чтобы изобразить молодежь, надо самому принадлежать къ ней, не по лѣтамъ разумѣется, а по желаніямъ и образу мыслей. Г. Тургеневъ знаетъ молодежь: оттого его Базаровъ — живой чѣловѣкъ. А вамъ, г. Писемскій, могутъ удаться только Баклановы и Варегины, иначе васъ всегда будутъ обманывать лакеи и шуты, корчащіе Базарова, которыхъ такъ удачно представилъ г. Тургеневъ же въ лицѣ Ситникова. Вы же Ситниковыхъ приняли за представителей всего молодого поколѣнія, и даже одного изъ нихъ сочли за умнаго и развитого человѣка,—вотъ что значитъ имѣть одни поползновенія и ничего болѣе. Успокойтесь, взбаломученный романистъ, и перестаньте злиться на свою тѣнь; а если ужъ слишкомъ велика ваша нена-

висть къ молодежи, то лучше поступайте противъ нея такъ, какъ поступаете противъ Нетопоренковъ; такую несложную задачу можно исполнить, ограничиваясь тѣми свѣденіями о молодежи, которыя вы имѣете. Писать же вамъ анналы не удобно, потому что въ вашемъ взбаломученномъ образѣ мыслей забавно перепутываются самыя противуположныя понятія: муха кажется слономъ, лужа—моремъ.

Что же касается до женщинъ, представленныхъ г. Писемскимъ, то о нихъ говорить не стоитъ. Одна изъ нихъ—камелія, другая — ханжа; о послѣдней Варегинъ говоритъ, что пока въ Россіи есть такія женщины, то еще не все пропало. Но Варегинъ это сказалъ ей въ глаза и повидимому совралъ, потому что, выйдя изъ дому, изрекаетъ (онъ никогда просто не говоритъ, а изрекаетъ) изрекаетъ про себя слѣдующее:

> «Одна въ Клиши умираетъ, другая въ крѣпость попала, третья совсѣмъ въ церковь спряталась,—а все вѣдь это наши силы и хорошія силы.»

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что онъ считаетъ Евпраксію такой же погибшей силой, какъ и Софи. Въ этомъ я не буду оспаривать г. Писемскаго и нахожу его совершенно правымъ: къ сожалѣнію, наши женщины дѣйствительно или ханжи, или камеліи, или то и другое вмѣстѣ. Но я недоумѣваю, чего желаетъ отъ нихъ г. Писемскій? Чѣмъ—хочетъ онъ, чтобы онѣ были? Тѣ немногія женщины, которыхъ къ несчастію приходится считать еще десятками, которыя желаютъ не быть ни камеліями, ни ханжами, осмѣиваются имъ за дурныя манеры и грязные воротнички; онъ недоволенъ ихъ попыткой выйдти изъ положенія камелій и кухарокъ. Какого же рода положенія желаетъ онъ для нихъ? Темно и непонятно. Но за то понятна цѣль романа и понятны поползновенія г. Писемскаго. Они же ему и къ лицу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился въ «Русскій Вѣстникъ», взбаломученный образъ мыслей обязываетъ его ненавидѣть и чернить все свѣжее, молодое и выступающее на дорогу жизни и дѣятельности. Но мнѣ, право кажется, что даже злоба-то г. Писемскаго къ нашему молодому поколѣнію — напускная, потому что изъ-за чего бы, кажется, злиться сему человѣку на людей, кото-

LIBRARY OF CONGRESS
00025258526